

Мир рек и озер, дворцовые интриги, люди.

Все это словно бесконечный цикл, год за годом, порождающий бесчисленные любовные истории и разочарования.

Первый год правления под девизом Чжэнцзя, Великая Ци постепенно слабела. Снаружи на страну смотрели алчные взгляды чужеземцев, внутри бунтовали люди из мира рек и озер. Новый император взошел на престол, и все нужно было начинать заново.

Третий год Чжэнцзя, император Цихуэй основал Зал стражи Цинь, чтобы контролировать силы мира рек и озер.

Пятый год Чжэнцзя, Цинь Шань стал командующим Зала стражи Цинь.

С тех пор мир рек и озер и дворцовые интриги, словно дракон и змей, боролись друг с другом.

Цинь Шань был холоден и беспощаден, его руки были запятнаны кровью сотен людей из мира рек и озер, и все боялись его.

Восьмой год Чжэнцзя, ученик Безымянной долины Янь Мобэй сбежал из долины и присоединился к Залу стражи Цинь, где познакомился с Цинь Шанем.

На следующий год Цинь Шань попал в ловушку на горе Шаоши, был пленен Безымянной долиной и больше не мог вернуться в мир.

А человеком, который отвечал за его заключение, был...

Янь Мобэй.

— Пошли.

Он взмахнул мечом, разрубив холодное железо, сковывавшее его руки.

Лезвие меча, отражая лунный свет, было похоже на поток ледяной воды. Холодное железо рассыпалось на землю, и оковы, сковывавшие его три года, разрушились.

Позади них долина пылала огнем, и пламя окрасило половину ночного неба в цвета заката. Он развернулся и скрылся в бушующем пламени, полностью исчезнув из виду.

Но его низкий, как будто зачаровывающий голос, снова и снова звучал в ушах.

— Через год я обязательно найду тебя.

Впереди была пропасть.

Ци Жован проснулся от кошмара.

Его дыхание было прерывистым, черные как смоль глаза смотрели в пустоту, пока он наконец не вспомнил, где находится.

Он больше не в Безымянной долине.

Он сбежал из места, которое держало его в плену три года, и снова обрел свободу.

Но, хотя он больше не был скован, кошмары преследовали его, словно проклятие, не давая покоя ни днем, ни ночью.

За окном светила луна, и Ци Жован, потеряв сон, накинул на себя одежду и сел у окна, чтобы полюбоваться ночным пейзажем.

Это был небольшой городок в Цзяннани, и даже в разгар зимы на старых деревьях появлялись новые побеги, не показывая признаков увядания. Лунный свет, как серебряные нити, мягко падал на землю, словно танцующая красавица в легкой накидке.

Ци Жован посмотрел вниз, освещая свои руки лунным светом. Толстые мозоли от меча, которые раньше покрывали его ладони, исчезли за эти годы без практики. Кожа, которая раньше была грубой, стала гладкой после трех лет заточения.

Никто бы не подумал, что владелец этих рук когда-то был человеком, сражавшимся на грани жизни и смерти. Теперь он больше походил на ученого, далекого от мирских дел, или на купца, живущего в роскоши.

Ци Жован когда-то ненавидел оковы, которые связывали его и не позволяли двигаться, и еще больше ненавидел человека, который заточил его и лишил свободы. Но все это стало его спасением.

Эти руки теперь позволяли ему притворяться купцом без малейшего подозрения, не выдавая его истинной сущности.

Какая ирония.

Он глубоко вздохнул и попытался восстановить внутреннюю энергию, но циркуляция внутренней силы, едва начавшись, остановилась. Он не занимался боевыми искусствами три года, а перед тем как потерять свободу, получил внутренние травмы, которые не были должным образом вылечены. Хотя травмы зажили, внутренняя сила, долгое время не использовавшаяся, стала неуправляемой и едва не повредила его сердце.

Поняв, что восстановление силы не может быть быстрым, он сдержал порыв и начал медленно восстанавливаться.

Луна поднялась над верхушками деревьев, наступила полночь.

Снаружи было тихо, даже звуков насекомых не было слышно. Ци Жован еще некоторое время сидел у окна, редко позволяя себе просто мечтать. Лунный свет нежно касался его лица, но не мог растопить холод в его сердце. Наконец, он встал, закрыл окно и лег обратно в постель.

Он не спал, просто ждал рассвета.

...

Утро в Цзяннани начиналось с криков уличных торговцев.

На юге Великой Ци торговля была развита, и не было четкого деления на рынки и жилые районы. Купцы могли арендовать или купить лавки прямо рядом с уездным управлением, а мелкие торговцы могли свободно кричать на улицах, не боясь, что их прогонят.

Рано утром, когда небо едва светлело, торговцы выходили на улицы с корзинами. Их первой остановкой была, конечно же, улица Юньань, где было множество лавок и гостиниц.

— Эй, свежие булочки! С грибами, овощами и мясом!

— Эй, торговец!

Из окна гостиницы высунулась рука:

— Две порции мясных булочек, принеси сюда.

— Сейчас, господин.

Торговец поднял булочки, но, войдя в зал, вдруг замер, ноги его буквально подкосились.

В этом небольшом зале сидели семь или восемь крупных мужчин с мрачными лицами. Они были одеты в черные одежды, с длинными мечами на поясах, и излучали угрозу. Когда они повернулись и посмотрели на него, их взгляды казались способными содрать с него кожу.

Рядом раздался легкий смешок.

— Чего ты боишься? Они тебя не съедят.

Говорила девушка, вооруженная тонким мечом. Рядом с ней сидели двое мужчин, один пожилой, другой молодой, и все они смотрели на него, точнее, на булочки в его руках.

Девушка с мечом сказала:

— Оставь булочки, возьми деньги, и можешь идти.

Торговец, словно получив спасение, быстро положил булочки, взял деньги и поспешил к выходу. В спешке он даже споткнулся на пороге.

Молодой человек рядом с девушкой усмехнулся:

— Вот это трусость.

— Ну и что? — девушка сердито посмотрела на него. — Он обычный человек, не может быть таким же, как ты, убивающим без разбора и не боящимся ничего.

— Цинцин, что ты говоришь? — молодой человек с улыбкой покачал головой. — Я разве убиваю без разбора?

— А разве нет? — возразила Жуань Цинцин. — Недавно, когда ты поссорился с людьми из Зала Властного Клинка, ты убил двоих, разве не так?

— Если бы я не убил их, я бы лежал мертвым. В мире рек и озер нельзя быть мягким.

— Хм, ты сам знаешь, что это мир рек и озер, но обычные люди не такие, как вы, они не привыкли убивать без причины. Ты презираешь их только потому, что у тебя есть сила, и ты не считаешь их за людей!

Молодой человек не ожидал, что одна его фраза вызовет столько возражений, и не знал, как объяснить:

— Я...

— Ладно, Инь Жань, не обращай на нее внимания, она просто любит капризничать, — пожилой мужчина погладил бороду и с улыбкой покачал головой. — Не знаю, откуда она берет эти идеи, но любит показывать их перед тобой. А Цинцин, если ты считаешь, что боевые искусства — это плохо, зачем ты сама занимаешься ими? Не подрываешь ли ты свои же слова?

— Я занимаюсь боевыми искусствами не для того, чтобы хвастаться.

Жуань Цинцин с гордостью сказала:

— Я занимаюсь ими, чтобы победить всех этих бандитов. Если они начнут нарушать порядок и беспокоить людей, я смогу их остановить. Как Зал стражи Цинь, который ловит всех этих негодяев и уничтожает их...

Атмосфера в комнате резко изменилась, словно она затронула что-то запретное.

Пожилой мужчина быстро протянул руку и зажал ей рот. В то же время он поклонился:

— Прошу прощения, прошу прощения, моя дочь говорит глупости. Пожалуйста, не обращайтесь внимания.

Те, кто услышал слова Жуань Цинцин, побледнели и наполовину вытащили мечи, но, увидев это, они только фыркнули и сели обратно. Однако атмосфера стала напряженной, словно готовая взорваться.

Пожилой мужчина понял, что оставаться в зале больше нельзя, и быстро взял свои вещи, указав молодым людям увести капризную девушку.

Когда они отошли достаточно далеко, он разжал ей рот. Прежде чем она успела взорваться, он сказал:

— Дочь моя, ты чуть не навлекла на нас беду.

Увидев, что она не согласна, он продолжил:

— Ты знаешь, кто эти люди с мечами в зале? Они из Зала Властного Клинка, который сейчас ищет Цинь Шаня в Цзяннани. Если бы они услышали, как ты поддерживаешь Зал стражи Цинь, это могло бы закончиться плохо.

Жуань Цинцин постепенно успокоилась и с любопытством спросила:

— Значит, Цинь Шань действительно в Цзяннани?

— Эх.

Пожилой мужчина не ответил, ведя своих учеников и дочь дальше, и, идя, вздыхал.

— Этот мир рек и озер снова погрузится в кровавый хаос.